

Голод и тоска (ностальгия)

Воспоминания солдата и военнопленного.

Сокращенный перевод с немецкого Дмитрия Маслова

Военная подготовка и работа в Имперской службе труда (Reichsarbeitsdienst)

Я получил свою первую военную подготовку и опыт военной службы, когда мне было семнадцать лет в трехнедельном учебном лагере для военной подготовки в Кирхберге / Хунсрюке.

Действия в составе команды, погрузка в транспорт, умение следовать приказам, привыкание к военной дисциплине, и кроме того много всякой армейской чепухи – вот чему нас учили инструктора СС.

Инструктора СС были в основном освобожденные из действующей армии по ранению солдаты.

Обучение в военном учебном лагере проходило в соответствии с имперским порядком и уставами Вермахта.

Учения и тренировки начинались ранним утром. Питание было настолько скудное, что мы, молодые люди часто были голодными.

В результате трехнедельного обучения, я стал военным железнодорожником, а также научился устанавливать и подключать телефонную сеть. На фронт я попал в мае 1944 года. Нас перебросили в Румынию. В августе 1944 года попал в плен в Карпатах.

Теодор Пут

В госпитале для военнопленных «Ногинск»

Дальше были тяготы бегства от русских войск по меняющейся линии фронта, трудный путь через Карпаты, русский плен, гибель некоторых моих товарищей.

Затем ужасный марш обратно через Карпаты, в составе колонны военнопленных.

Первый большой пересыльный лагерь «Tirgul-Осна», потом «Roman», транспорт в Россию, лагерь в Можайске и смерть многих больных, ослабленных и опустошенных неизвестностью о своей судьбе парней из нашей команды. Наконец, я и мои товарищи попали в госпиталь Ногинска недалеко от Москвы, где мы нашли свое спасение.

Госпиталь располагался в большом здании из красного кирпича по-видимому в бывшей школе (возможно школа №14, рядом с жд вокзалом и хлебозаводом).

После нашего прибытия последовали обычные процедуры: душ, стрижка волос и т.д. После этого нас разместили в большой светлой комнате на белоснежных кроватях. Первоначальный осмотр провели врачи госпиталя: врач-немец Вальтер, русский врач-еврейка в очках в проволочной оправе, которую впоследствии мы все звали нашей тетей Элли.

Врачи и сестры были очень обеспокоены нашим состоянием здоровья. Добрые русские медсестры заботились о нас с утра до вечера.

Я хорошо помню одну рыжеволосую медсестру, которую звали *Люба*.

Она с осязательной преданностью следила за тем, чтобы мы вовремя получали лекарства, которых было крайне мало, помогала мыться беспомощным раненым и всегда имела для нас добрые слова, по которым мы так соскучились за годы войны.

Через четыре с половиной года я встречаюсь с нашей доброй сестрой *Любой* в другом русском госпитале, и тогда я буду по настоящему счастлив этой встречей.

Каждое утро в госпитале начиналось с визита врачей, и когда наша «Тетя Элли» входила в нашу палату, она быстро здоровалась с каждым по-немецки Guten Morgen и затем уже по-русски спрашивала каждого из нас «Как дела?» И сразу же после этого: Blut ist? (кровь есть?)

Этим вопросом она выясняла, есть ли у нас в кале кровь, что означало вероятность заболевания дизентерией.

С медикаментами было плохо и конечно, если бы препаратов было достаточно, русские врачи смогли бы спасти больше раненых.

В госпитале нас хорошо кормили. Чай, сахар, белый хлеб, густой суп с гренками лечили нас лучше всяких лекарств.

Я, понимая, что хорошее питание пойдет на пользу с удовольствием съедал всю пищу. А вот мой товарищ Ханс Байер вел себя иначе.

Сильная апатия после перенесенных тягот, тяжелое выздоровление лишили его аппетита, и он чах на глазах. Даже в преддверии немецкого Рождества мы с друзьями не могли его уговорить поесть.

Я говорил ему: Ханс, дружище, ты должен что-нибудь поесть, пожалуйста, ведь завтра Рождество!

Пока я разговаривал с ним, я обмакнул белый кусочек хлеба в сладкий чай и сунул его ему в рот. И вдруг это сработало.

Мой друг Ханс выжил, он, как и мы все в этой палате прошел тягостный путь в русский плен через холод, голод и смерть!

Я вспоминаю то Рождество, особенно Сочельник 1944 года.

В госпитале оказался протестантский пастор, который тоже лечился, как и мы. В канун Рождества пастор ходил из комнаты в комнату и проповедовал нам рождественское евангелие из книги, которую он сумел сохранить.

Он был не самой приятной личностью. Высокий, казавшийся истощенным, он мелькал во всех больничных палатах, молился с умирающими товарищами, но при этом не стеснялся брать тайком хлеб у больных товарищей.

В результате он был схвачен с поличным русскими солдатами и заключен в карцер на несколько дней.

Хотя русские не приветствовали наши Рождественские молитвы, так как у них это было не совсем законно, но нас они не трогали.

Сразу после Рождества нас начали вывозить на работы.

Тех, кто выздоравливал, выписывали и забирали из госпиталя в различные лагеря, а те, кто еще числился в госпитале, но уже шел на поправку, каждый день выходили из больницы, чтобы работать в городе Ногинск, и вечером возвращались в больницу.

Тогда русскими были организованы лагеря разного профиля: лесные лагеря, торфяные лагеря и даже московский авиационный завод.

Самые тяжелые условия были в лагере на торфяных болотах.

Многие не смогли выдержать этих условий. На работах мы уставали, и нам всегда хотелось есть.

Я помню случай, как мой новый товарищ по госпиталю Петер принес мне однажды маленький кусочек бекона размером с сигаретную пачку.

Ему дала этот жалкий кусочек добрая русская женщина.

У меня был припрятан кусок белого хлеба, и мы оба ели бекон с хлебом и говорили о нашем Эйфельхаймате и наших близких дома. Это было чудесно!

Наша дружба продолжалась не долго. Однажды Петера отправили на авиационный завод. Плача, он попрощался со мной, и это было наше последнее с ним общение. Петер Шнайдер не вернулся из русского плена. Когда я связался с его братом в 1950 году, он все еще был в списках, пропавших без вести лиц II мировой войны, и его родственники никогда не слышали о нем и только от меня они узнали, что их сын и брат был русскими военнопленным, живым на рубеже 1944-45 годов.

Я пережил 1944 год.

Мой товарищ Ханс Байер медленно, но верно шел на поправку.

И все же мы были еще очень слабыми. В это время я все еще весил около девяноста фунтов (41 кг), а Ханс и того меньше.

Несмотря на усилия нашей тетушки Элли, немецкого врача и всего медицинского персонала госпиталя товарищи умирали почти ежедневно.

Их относили в сарай на территории госпиталя. Мы звали этот сарай «сарай смерти».

Зимой трупы лежали там довольно долго, пока их не отвозили на кладбище и не бросали в безымянные братские могилы.

Немецкий врач записывал имена покойных на клочке бумаги, но неясно, смог ли он сохранить эти записи.

Я также не знаю, пережил ли он сам свой военный плен и вернулся ли домой.

Из двадцати четырех человек, которые попали вместе со мной в этот госпиталь, только несколько товарищей пережили страшную дизентерию.

«Базар» работников-военнопленных.

В течение февраля 1945 года мое состояние стабилизировалось, и врачи признали меня пригодным, чтобы работать на легких работах. Мне присвоили категорию «БК». Это означало «без категории» или «нет категории». То есть это была не рабочая категория.

Эта категория давала мне возможность оставаться жить в госпитале.

Также давали рабочие категории один, два и три.

Третья категория для самых сильных, здоровых военнопленных.

Для рабочих военнопленных в 8 часов утра в бывшем зале школы состоялся настоящий «базар».

Русские из различных учреждений приходили и выбирали рабочих, специалистов, таких как портные, художники и маляры.

При этом внешность тоже была фактором выбора. Я выглядел не очень и поэтому в первый и второй день никто из русских даже не посмотрел на меня. Таким хилым я выглядел.

На третий день пришел старый русский в тяжелой шубе и забрал меня и еще несколько товарищей. Мы оказались во внутрицеховой мастерской какого-то завода и занимались ремонтом генератора.

Так как я был не вполне подготовлен для такой работы, то продержался в этой мастерской всего один день.

В другой раз меня использовали на других работах. В садовом хозяйстве, принадлежащем госпиталю, мне пришлось с несколькими товарищами заниматься чисткой навозных ям.

В другой раз, запряженные в большие сани по трескучему снегу мы отвозили продукты из склада в наш госпиталь. Нам было тяжело, и в то же время мы были иногда вознаграждаемы время от времени падавшими с саней продуктами.

Однажды мы занимались разгрузкой вагонов на железнодорожном вокзале. Мы разгружали вагоны с американскими продуктами питания - там были мешки с рисом, яичный порошок, консервы «Оскар Мейер» из Чикаго.

Мы были в привычном голодном состоянии, но продукты, которые мы разгружали, были хорошо упакованы, и добраться до содержимого было невозможно.

Русский караульный не спускал с нас глаз. Он казался весьма строгим, но однажды показал мне, как можно поживиться тем, что в мешках. Он ясно дал понять, что не будет смотреть, когда упаковка как бы случайно порвется, например, об угол вагона, и содержимое мешков начнет сыпаться на рельсы. То, что таким образом просыпалось, можно было поскорее отправить в рот. Но не тут-то было, за нами наблюдал еще один охранник и он не был настроен к нам так дружелюбно, как первый.

Так или иначе, нам удалось подкрепиться, наполнить наши желудки яичным порошком и сырым рисом.

Один из товарищей по имени Зепп Ванитц из Австрии, съел слишком много сырого риса, и ему в госпитале пришлось делать промывание желудка.

Одна из наших рабочих команд ежедневно выезжала из лазарета на лесные работы и каждый раз по возвращении ребята делились впечатлениями о тяжелой работе. Они ездили к месту работы около двадцати километров в открытом кузове грузовика, когда на улице стоял жуткий мороз.

Многие возвращались с обмороженными конечностями. Многие, конечно, снова начинали болеть и снова оказывались в постели госпиталя.

В конце февраля начале марта, нас сфотографировали и зарегистрировали в первый раз с момента плена. Это, так называемая карта из русского госпиталя стала единственным моим документом на протяжении всего плена, вплоть до возвращения домой. Интересно, что такие же по форме госпитальные (больничные) карты существуют и сегодня в СССР.

Работа в лагерях была тяжким испытанием, почти ужасом, для всех товарищей по госпиталю.

По возвращении с работ ребята с дрожью в голосе рассказывали о нечеловеческих условиях труда, о завышенных нормах, очень скудном и плохом питании.

В лесном лагере «Александровка»

В марте 1945 года врачебная комиссия оценила мое состояние здоровья и общее физическое состояние, как стабильное и мне присвоили третью рабочую группу. То есть я был годен для работ в лесном лагере. Мне пришлось пройти голышом мимо комиссии.

Врачи внимательно осматривали и ощупывали меня, ноги, руки, ягодицы.

Добрая тетя Элли сделала грустное лицо и сказала:

-в лесу очень хорошо. Im Wald sehr gutt.

Началась моя «лесная» эпопея.

В открытом кузове грузовика минуя поселок Глухово, мы добрались до лагеря «Александровка» через час езды.

Это был холодный мартовский день, и когда я с пятнадцатью товарищами прибыли в лагерь, мы были изрядно обморожены.

Мы еще не успели согреться у костра, когда пришел немецкий начальник (Lagerführer) по имени Альфонс. Я его сразу узнал, так как уже встречался с ним на пересылке, в лагере «Можайск».

Альфонс на правах начальника закричал на нас:

- Jetzt gehts zur Arbeit, ihr habt euch lange genug ausgeruht. Теперь идите на работу, вы отдохнули достаточно долго.

Альфонс был маленький, коренастый человек из нашей среды, тоже военнопленный. От бригадира он поднялся до начальника лагеря (над немцами). Он действительно всем заправлял в этом страшном месте.

У него был «маленький Альфред», который передавал его распоряжения по лагерю. Был также «большой Альфред» для особых заданий. Оба так же, как и Альфонс, прекрасно говорили по-русски и оба исчезли из лагеря в один прекрасный день.

Потом в лагере ходили слухи, что маленький Альфред и большой Альфред были на самом деле русскими. Кто их теперь знает?

Нашей работой в тот период в лагере было устройство ям в земле для стоек забора. Мы получали на складе лом и лопату на двоих, ковыряли замерзшую более чем на метр в глубину землю. Тогда Лесной лагерь еще не был огорожен забором, он был установлен гораздо позже. Ямы для него мы как раз и делали. Это была просто хитроумная работа. Нам удавалось немного расковырять промерзшую землю, которая на солнце днем раскисала и снова сводила наши усилия к нулю. Приходилось все начинать сначала.

Как-то раз на входе в склад я заметил отбойный молоток.

Тогда, я даже не понял, что это такое. Насколько проще нам было бы ковырять землю для ям, работая с такой машиной. Позже мне довелось все-таки поработать с этим молотком.

Наш первый обед в лагере состоял из пустых щей, двухсот граммов липкого хлеба и ложки пшенной каши. Этот скудный набор станет нашей обычной нормой на долгое время.

Склад и барак в лесном лагере располагались в одном здании. Это было большое одноэтажное бревенчатое здание, наполненное помещениями различного, кроме склада, назначения. Все внутренне пространство отапливалось несколькими высокими кирпичными печами. Там располагалось большое жилое и спальное помещение, собственно барак для нас, умывальная комната, медпункт, кухня и ремонтная мастерская.

В дальнейшем пристроили еще столовую и конюшню. В спальном помещении мне выделили верхнее место на двух ярусной стальной кровати. К моему появлению в лесном лагере здесь было уже от 80 до 100 военнопленных. Начальником лагеря вначале был пожилой русский майор, потом его сменил какой-то подполковник.

Вначале нам, лагерным новичкам, не доверяли пилы и топоры. Мы собирали хворост, ветки и сжигали их, разводя большие костры. Так мы постепенно привыкали к лесной работе.

Через несколько дней я понял, что от такой работы у меня вылезла паховая грыжа. Иногда я испытывал сильные боли. Я рассказал об этом нашему бригадиру, добряку баварцу по имени Ханс Хубер. О нем я слышал, что он дважды предпринимал безуспешные попытки побега из плена. После войны я его встречал вплоть до 1986 года, когда он умер.

В то время в лагере не было своего врача. Медицинские функции выполнял немецкий санитар Хуго вместе с русской военфельдшером Наташей.

По правилам в больницу отправляли, если была «температура», то есть наблюдалась лихорадка свыше 37 градусов. Так как моя паховая грыжа была особым случаем, то меня решили вернуть обратно в госпиталь. Меня в спешном порядке посадили на попутную хлебовозку и я уехал из лагеря. Неделю назад я уезжал из госпиталя и вот опять возвращался к старым друзьям, к доброму русскому доктору «тете Элли» (Tante Elly). Это возвращение стало для меня настоящей благодатью, так как, несмотря на март на улице свирепствовала русская зима.

Снова в госпитале в Ногинске

Хлебозавод, из которого в лесной лагерь привозили хлеб, находился рядом с госпиталем в Ногинске. Я благополучно добрался в кузове хлебовозки в госпиталь. Отправлявший меня из лагеря фельдшер знал, что в госпитале не было возможностей для проведения операций, но, тем не менее, меня отправили именно в Ногинский госпиталь.

По прибытию последовали обычные процедуры, запись, помывка в душе, обследование. Добрые русские люди, тетя Элли и рыжеволосая сестра Люба были рады снова меня видеть.

Обе заявили по поводу моей паховой грыжи: никакой операции, нужен бандаж.

Я был счастлив вновь очутиться в знакомой палате среди старых друзей, не смотря на то, что врачи сразу же разрешили использовать меня на легких работах. Мне дали отлежаться денек, а затем я вновь оказался в госпитальной бригаде готовый к различным работам.

Как правило, по утрам нас привлекали к уборке снега. Также мы привозили продукты в госпиталь, используя большие сани.

А еще мы часто работали на хлебозаводе. Разгружали торф из железнодорожных вагонов. Работа на хлебозаводе была для нас тяжелым

испытанием – запах свежее испеченного хлеба буквально заставлял рычать наши изголодавшиеся желудки.

А кому-то из наших товарищей выпадала совсем другая работа.

Им предстояло испытывать совсем другие ощущения.

Им пришлось отвозить на санях в «сарай смерти» умерших друзей, складывать там, а затем еще и отвозить на кладбище.

Что касается меня, то я кроме паховой грыжи заболел еще и желтухой и поездки в рабочий лагерь для меня прекратились на неопределенный период.

Я стал желтым, как лимон, но все равно оставался в одной палате с друзьями.

На ежедневных врачебных обходах я слышал часто повторяющееся слово «Изолятор» и повторялось это слово в отношении меня, но я по-прежнему оставался в общей палате.

Я лежал в теплой палате госпиталя, глотал лекарства, а за окном буйствовала русская зима, хоть и март подходил к концу.

Ежедневно в госпиталь привозили больных и обессиленных товарищей из торфяных и лесных лагерей и даже из московского авиазавода, и также каждый день умирали товарищи, для которых Россия стала последним пристанищем.

Это было в конце апреля 1945; весна приближается, на фронтах в Германии все еще идет бессмысленная борьба и сопротивление наших войск, но все говорит о том, что это конец.

На большой карте, которая висела в больничной столовой, медсестры отмечали продвижения советских войск маленькими цветными флажками и мы каждый день видели все новые и новые подтверждения гибели рейха.

К маю месяцу меня уже снова стали включать в рабочие команды.

И вот одним утром, следуя приказу, я залез в открытый кузов грузовика, где уже дожидался отправки мой приятель Фритц Шпилле из Ольденбурга и еще десять ребят. От нашей доброй тети Элли мы узнали, что нас везут в лесной лагерь «Александровка». Для меня это была уже вторая поездка, и я прекрасно знал, что нас там ожидало.

«Зеленый ад у Альфонса» (Grüne Hölle – bei Alfons) – вот как говорили об «Александровке» в госпитале.

Ein russischer Fotograf machte das Gruppenbild 1947,
von links: der Autor, Lagerführer Alfons K., Küchenchef
Franz Här, Magazinverwalter Otto Levon und ganz
rechts Hermann Odloginski
(Küchenhelfer und Kleinlokfahrer)

Снова в лесном лагере

Мы прибыли в лесной лагерь накануне одного из главных праздников пролетариата – 1 мая.

Это был полдень и сразу после определения спальных мест в бараке нас отправили на обед.

В столовой нам предложили обычное лагерное меню: жидкие рыбные щи, липкий хлеб и несколько ложек овсянки, которую русские называют «Каша». На обеде я встретил, среди пришедших с работы товарищей, своего дорогого друга Ханса Баяйра из Людвигсхафена.

Вопреки обыкновению наше пополнение не встретил привычной руганью лагерный начальник Альфонс.

После обеда под надзором «маленького Альфреда» мы должны были укреплять вокруг лагеря колючую проволоку.

Между прочим, я услышал, что «маленький Альфред», который прекрасно говорил по-русски, раньше был большим начальником в Гитлерюгенде (HJ-Führer).

Следующим утром я, Мюллер из Баварии и Фритц Шпиле получили на складе пилы и топоры и были направлены на валку леса.

Так как все мы были из крестьянских семей, то считалось, что это работа была нам знакома. Что касается меня, то перенесенные недуги давали себя знать, и мне приходилось нелегко. Нам следовало свалить дерево, освободить от сучков, а затем распилить его на трехметровые бревна и уложить в штабель. Нам установили норму в один кубометр древесины на человека.

Это была тяжелая работа, сопровождаемая постоянными окриками Альфонса.

С наступлением темноты работать становилось труднее. Нам приходилось сидеть в темном лесу и ждать тех товарищей, которые не справлялись со своей нормой. Альфонс кричал на них, а нам не позволял им помогать.

Часто мы возвращались с работы далеко за полночь, усталые, голодные, больные. Со стороны мы вряд ли выглядели «веселыми лесорубами».

Мне вспоминается один скверный дождливый день. Уже к полудню мы все были мокрыми насквозь. В этот день за нашей работой приглядывал русский лесник (Förster) и караульный. Несмотря на то, что они находились в укрытии, они остановили работу и отправили нас раньше положенного времени назад в лагерь. К несчастью, старый добрый русский лесник договорился с дежурным офицером, но не с нашим начальником Альфонсом. Мы стояли перед закрытыми воротами лагеря. Альфонс накричал на нас и развернул обратно в лес. Дождь продолжался до самого конца работы. Наконец, настало время ужина. Мы получили привычный набор: рыбные щи, кусок хлеба и немного чая. Каждый вечер, после ужина проводилась вечерняя проверка. На вечерней проверке нас пересчитывали, выдавали нормы на следующий день, определяли новые места проведения работ, а также объявляли наказания не выполняющим норму. Чаще всего наказанием являлось помещение в карцер. Кроме того нас постоянно пугали Сибирью.

Интересно, что кричал на нас и пугал Сибирью не русский начальник лагеря, в то время один майор и даже не надзиратель с охранником, не старший

лейтенант Юра, которого мы прозвали «горбуном» из-за его сутулости, а наш немецкий Lagerführer Альфонс. При этом он заставлял нас долго стоять, мучиться и терзаться, выслушивая его угрозы.

Капитуляция

8 мая 1945 года, в день, когда был подписан акт о безоговорочной капитуляции немецкого вермахта, нас всех немецких военнопленных заставили до глубокой ночи слушать громкоговоритель, по которому постоянно транслировалось сообщение о капитуляции. Уже глубоко за полночь нам приказали петь. Мы спели церковную песню « Великий Бог мы славим тебя» и только после этого нам разрешили залезть на наши нары.

Не все из нас верили сообщению о капитуляции Германии. Когда мы на следующий день вышли на работу в лесу, один из наших товарищей, Карл Гросс, кавалер Немецкого золотого креста, между прочим, из Саара, сказал нам следующие слова:

- Друзья, я не верю русским! А вот во что я точно верю, это в то, что Вермахт никогда не капитулирует!

Другой Карл, по фамилии Рик из Кельна поддержал своего тезку. Между тем, мы постоянно встречали подтверждение того, что все-таки случилось. Везде, где мы встречали русских, то слышали, как они радостно сообщали друг другу: скоро будет лучше! А солдаты из нашей охраны часто выкрикивали: скоро домой!

Все окружающие нас русские говорили о том, что войне конец!

«Альфонс» становится простым бригадиром

После мрачных голодных лет с 1944 по весну 1947 года, когда от часто невыносимых условий, болезней и издевательств умирали или становились инвалидами многие мои товарищи военнопленные, наконец, к середине 1947 года наступили заметные изменения к лучшему в нашей жизни. И хоть мы также оставались не свободными и голодными, произошли события, которые во многом повлияли на условия, в которых мы находились.

Примерно в то же время в нашем лагере была создана группа "Антифа"(Antifa-Gruppe).

В группу входили: Гельмут Т. из Саксонии, Адольф М. из Рейнских земель и другие. К нам стали приезжать антифашистские агитаторы.

Среди очередных приезжих антифашистов были в основном штабные офицеры, один из которых был майор фон Беттихер.

Фон Беттихер был пожилой уже офицер, который успел побывать в русском плену дважды, в первой мировой войне и теперь. Он прекрасно умел читать, писать и говорить по-русски.

В группу прибывших офицеров также входили пилот-истребитель Хайнс Зильбах из Саара, Герд Нагель из Вюртемберга и Баварец Вилли Либл.

Как мы понимали, эта группа офицеров специально разъезжала по лагерям пленных, с тем, чтобы поднимать антифашистские и даже коммунистические настроения среди пленных, а также влиять положительно на условия труда и жизни.

Оказавшись в нашем лагере «Александровка» и пообщавшись с военнопленными товарищами, вышеупомянутые офицеры быстро поняли, что в нашем лагере всем заправлял Альфонс, и его методы шли вразрез с коммунистическими установками.

Получив наше согласие на долгожданные перемены, антифашисты начали менять власть в лагере. Альфонс был фактически лишен прав, а майор фон Беттихер стал новым лидером лагеря. Его правой рукой стал майор Отто.

К нашему сожалению, Альфонса не перевели в разряд рядовых пленных.

Его посчитали целесообразным оставить в качестве бригадира. Скорее всего, это объяснялось тем, что Альфонс успел-таки так сильно подлизаться к русскому начальству, что совсем лишить его привилегий никто не посмел.

Конечно, новое положение Альфонса привело к ряду недоразумений.

При первом же выходе на работу в лес, Альфонс поругался с другим авторитетным бригадиром Карлом Гроссом из-за удобной площадки для вырубki.

Карл поставил тогда Альфонса на место. Надо сказать, что Карл Гросс был смелым человеком. Я помню случай, который имел место в соседнем лагере на лесопилке. Карл тогда усмирil пьяного русского караульного, когда тот хотел выменять весь наш хлеб на водку.

Потеря власти изменила поведение многолетнего руководителя Лагеря. Альфонсу приходилось теперь побыть и в нашей шкуре.

Спустя годы Альфонсу будет предъявлено обвинение в преступлениях против своих же товарищей по несчастью.

Сообщество «Александровка»

Многие из военнопленных не хотели вспоминать о годах несвободы, о жизни в русском плену. Но некоторые, однако, дали друг другу обещание встретиться после освобождения с тем, чтобы поддерживать товарищеские связи. Я принадлежал к этой группе. Уже в конце 50-х годов я нашел своих старых друзей, конечно, некоторых из них и, мы решили, что обязательно побываем в местах, где крепилась наша дружба. Такая поездка осуществилась только с переменами в СССР, в 1992 году.

Два участника поездки в Ногинск Теодор Пут и Ханс Байер, опубликовали в ФРГ книги воспоминаний. Эти книги они презентовали Ногинскому краеведческому музею.